ВЪ ПАМЯТЬ В. А. ЗОЛОТОВА *).

(Отрывокъ изъ Записокъ).

O gioventù, primavera della vita!
O primavera, gioventù dell'anno!
Metastasio.

I.

Спросите у любой свѣтской женщины: «кто былъ предметомъ ея «*первой* любви?» Она либо смолчитъ, либо солжетъ. Невольно вспомнишь слова Рошфукó:

«Qui de nous n'a pas rougi des affections de sa jeunesse».

Къ счастью это грустное изрѣченіе ко *мнѣ* непримѣнимо. Нѣтъ правила безъ исключенія. Мнѣ не къ чему ни лгать, ни молчать. Я справедливо могу гордиться предметомъ моей первой любви. То былъ Василій Андреевичъ Золотовъ. Теперь онъ маститый старецъ, извѣстный своей дѣятельностью, всѣми уважаемый авторъ учебниковъ для народныхъ и другихъ школъ.

Василій Андреевичъ Золотовъ кончилъ курсъ въ Одессѣ, въ Ришельевскомъ Лицеѣ, гдѣ въ 1824-мъ году поступилъ на службу надзирателемъ надъ воспитанниками. Въ 1826-мъ г., по предписанію министра народнаго просвѣщенія, онъ получилъ разрѣшеніе отправиться въ Москву для слушанія лекцій въ тамошнемъ Университетѣ. Не имѣя со стороны правительства никакихъ пособій, онъ, по примѣру Ломоносова, отправился съ троичниками и, прибывъ въ Москву, терпѣлъ горе и нужду. Наконецъ, ректоръ Университета, по просьбѣ И. М. Снегирева, оцѣнившаго молодаго студента, далъ ему мѣсто преподавателя

---

*) Эти страницы написаны мной нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Вчера съ прискорбіемъ узнала, что мой старый другъ и наставникъ на дняхъ скончался въ Петербургѣ, тамъ, гдѣ дѣятельность его всегда была цѣнима и чтима.

въ бывшемъ тогда при Университетѣ Благородномъ Пансіонѣ, котораго онъ былъ директоромъ.

В. А. Золотовъ въ послѣдствіи получилъ всеобщую извѣстность какъ изобрѣтеннымъ имъ методомъ обученія грамотности, такъ и *первыми* народными лекціями, безвозмездно имъ читанными въ Петербургѣ и въ Одессѣ по военному и морскому вѣдомству. Онъ первый подалъ и осуществилъ мысль подготовлять учителей для сельскихъ школъ изъ среды крестьянскихъ дѣтей, учредить учительскія семинаріи. Наконецъ, поступивъ чиновникомъ особыхъ порученій при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, онъ былъ *первымъ* и *единственнымъ* въ Россіи странствующимъ педагогомъ, и дѣятельность его на этомъ поприщѣ принесла неисчислимые, благотворные плоды.

Во время этихъ странствованій онъ терпѣлъ и голодъ, и холодъ, а въ Могилевской губерніи въ концѣ 1863-го и началѣ 1864-го года чуть не поплатился жизнью. Онъ спасся отъ смерти какимъ-то чудомъ.

Въ 1874-мъ году его пятидесятилѣтней юбелей былъ блистательнымъ образомъ отпразднованъ въ С.-Петербургѣ.

Съ В. А. Золотовымъ познакомилась я, когда онъ былъ преподавателемъ въ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ.

Вотъ какъ это было. Въ мое время, дѣтей съ самаго рожденія учили всѣмъ Европейскимъ языкамъ, кромѣ Русскаго. Я, девяти лѣтъ отъ рода, говорила и писала на трехъ иностранныхъ языкахъ, а роднаго языка не умѣла *выговорить*, не то, чтобы читать или писать на немъ. У насъ величайшимъ проступкомъ считалось вымолвить Русское слово, и за этотъ проступокъ насъ строго наказывали. Но время шло, понятія мѣнялись, и матушка, женщина умная, образованная и далеко *не* отсталая, поняла всю нелѣпость нѣкоторыхъ обычаевъ своего вѣка, захотѣла помочь злу и пополнить пробѣлъ въ моемъ воспитаніи.

Стали пріискивать для меня учителя Русской словесности. Надобно было соединить въ немъ столько различныхъ качествъ, что выборъ былъ затруднителенъ. Наконецъ, кажется, Иванъ Ивановичъ Давыдовъ рекомендовалъ матушкѣ молодаго человѣка прекрасной нравственности, недавно женившагося по любви на прелестной дѣвушкѣ и вполнѣ заслуживающаго довѣрія матери семейства. Я уже сказала, что В. А. Золотовъ служилъ преподавателемъ Русскаго языка въ тогдашнемъ Университетскомъ Пансіонѣ, считавшомся лучшимъ въ Москвѣ учебнымъ заведеніемъ; слѣдовательно въ знаніи его не было сомнѣнія. Какъ теперь помню его форменный синій фракъ съ *малиновымъ суконнымъ отложнымъ* воротникомъ и золотыми пуговицами. Съ тѣхъ поръ такой странной формы нигдѣ не видно.

Золотовъ былъ небольшаго роста, но я, девяти лѣтъ, была такъ мала, что онъ мнѣ казался чуть ли не гигантомъ. Былъ ли онъ хорошъ или дуренъ собой, не помню. На его внѣшность я не обращала никакого вниманія.

Мнѣ было девять лѣтъ, Золотову—двадцать одинъ годъ. Онъ имѣлъ рѣдкое, доброе и благородное сердце; со всѣмъ пыломъ молодости принялся онъ за свое дѣло. Вѣроятно его образъ преподаванія былъ превосходенъ, потому что я пристрастилась къ его урокамъ и не помню какъ прошла всѣ части граматики. Вмѣсто условнаго часа, онъ оставался со мною два-три часа, которые казались мнѣ пріятнѣе всякой игры и прогулки. Онъ познакомилъ меня съ произведеніями нашихъ поэтовъ и заставлялъ говорить наизусть прекрасные стихи Державина и Жуковскаго. Когда, послѣ урока, онъ уходилъ домой, то я, какъ милости, выпрашивала у матушки позволенія, съ свой гувернанткой, проводить его по Московскимъ улицамъ. Тогда онъ, въ угожденіе мнѣ, не бралъ извощика, а шелъ пѣшкомъ, рука объ руку со мной и ободрялъ мою дѣтскую болтовню.

Послѣ шести-мѣсячнаго ученія и разговоровъ, я уже довольно хорошо владѣла Русской рѣчью и придумала сдѣлать сюрпризъ своему учителю. Подходила Пасха, и я, великимъ постомъ, въ свободное между уроками время, написала ему на память весь Русскій синтаксисъ, переписала на бѣло́, перевязала тетрадку розовой ленточкой и, краснѣя, подала ему ее на свѣтлый день, вмѣстѣ съ пёстрымъ яичкомъ, выкрашеннымъ шелками. Мой наивный подарокъ тронулъ его до слезъ.

Я уже говорила въ первыхъ главахъ моихъ воспоминаній о прелестной своей, тогда пятилѣтней сестрёнкѣ, Лизѣ, черноокой, кудрявой красавицѣ, плутовкѣ и шалуньѣ. Всѣ мы ее баловали, да иначе и быть не могло, и всѣмъ, особенно мнѣ, приходилось терпѣть отъ ея «espièglerie» (не ріищу Русскаго слова, въ точности выражающаго этотъ родъ шалости). Съ дерзостью балованнаго ребенка, увѣреннаго въ всеобщей къ ней любви, она издѣвалась надъ моими слабостями. Подмѣтивъ мою привязанность къ Золотову, она всячески меня дразнила.

Ранней весной, въ Москвѣ, Золотовъ принесъ мнѣ прекрасную центифольную розу. Въ это время года цвѣты были еще рѣдкостью: я обрадовалась подарку и, опустивъ розу въ стаканъ свѣжей воды, украсила ею свой письменный столъ.

Вечеромъ въ тотъ же день пришелъ учитель музыки; я, не имѣвшая никогда музыкальныхъ способностей, но присужденная къ фортопьянамъ, какъ всѣ тогда дѣвушки, сидѣла и со скукой твердила

какую-то сонату. Вдругъ дверь отворяется; маленькая шалунья является съ блестящими глазами и съ розой въ рукѣ.

«Вотъ роза, которую сестра моя нарочно сохранила для *васъ*», говоритъ она учителю музыки и подаетъ ему дорогой моему сердцу цвѣтокъ.

— «Возможно ли?» восклицаетъ учитель, глядя на меня и не вѣря такой несвойственной мнѣ любезности.

Я покраснѣла по плеча, слёзы чуть не брызнули изъ глазъ. Отвѣчать я была не въ силахъ, а молчаніе—знакъ согласія. Съ отчаяніемъ увидѣла я, какъ прекрасная роза перешла въ петлицу ненавистнаго мнѣ г-на Ернсга.

Лѣто мы проводили въ селѣ Никольскомъ, прелестной подмосковной, принадлежавшей моей матери. Село лежитъ на берегу Москвы-рѣки, въ шестидесяти верстахъ отъ города, по Можайскому шоссе. Туда къ намъ лѣтомъ пріѣзжалъ гостить и Золотовъ. Когда онъ пріѣзжалъ, не было границъ ни моей радости, ни шалостямъ моей сестры. Плохо было пришлось моему пріятелю отъ одной изъ придуманныхъ ею шутокъ.

Домъ нашъ стоялъ на утёсѣ, у подошвы котораго растилается обширный заливной лугъ, по которому течетъ извиваясь Москва-рѣка. Возлѣ дома росла развѣсистая береза, въ тѣни которой мы, дѣти, играли послѣ обѣда, пока родители и наставницы сиживали на террассѣ. Золотовъ вмѣшался въ наши игры и неосторожно сталъ около самаго края утеса, обратившись спиной къ обрыву. Рѣзвая дѣвочка, подкарауливъ его, съ разбѣга на него бросилась и толкнула. Отъ неожиданнаго нападенія, онъ пошатнулся, потерялъ равновѣсіе и—полетѣлъ внизъ. Всѣ перепугались и разными дорогами бросились ему на помощь. Но драма кончилась комедіей: мой бѣдный другъ, прокатившись кубаремъ по горѣ, лежалъ невредимъ во рву, на жгучей, но мягкой крапивѣ. Онъ самъ и всѣ смѣялись; я одна осталась неутѣшна.

Съ ранней молодости уже развились въ Василіи Андреевичѣ тѣ рѣдкія способности, тотъ талантъ, скажу ли *геній*, педагогіи, которой такъ неутомимо и успѣшно посвятилъ онъ всю жизнь свою. Для достиженія этой цѣли первыя условія—умъ и доброта. Они помогали ему *понимать дѣтей*, а какъ часто недостаетъ у наставниковъ именно этого *пониманія*, безъ котораго воспитаніе немыслимо. Помню, какъ онъ развивалъ во мнѣ пониманіе природы и всѣхъ ея красотъ, какъ научалъ наслаждаться малѣйшими ея подробностями, любоваться неизмѣримымъ ея величіемъ. И сколько чистоты и задушевности было въ его преподаваніи! Въ лѣтніе дни мы всѣ пѣшкомъ отправлялись въ лѣсъ, который начинался у самой нашей усадьбы. Этотъ лѣсъ раз-

дѣленъ былъ на двѣ половины оврагомъ, на днѣ котораго текъ свѣтлый ручей по прелестнымъ разноцвѣтнымъ камнямъ. Мы эти камушки собирали. Золотовъ называлъ мнѣ ихъ имена и указывалъ на окаменѣлости, которыя мы часто тамъ находили; толковалъ измѣненія, совершившіяся на нашей планетѣ, или, собирая травы и цвѣты, указывалъ мнѣ ихъ качества и говорилъ о значеніи и разнообразіи растительнаго міра. Я его слушала съ наслажденіемъ, но, признаюсь, болѣе обращала вниманіе на форму, на пластику. Сущность науки не имѣла еще прелести въ глазахъ моихъ.

Развивая во мнѣ прирожденную любовь къ природѣ и искусству, Василій Андреевичъ одновременно научалъ меня правильно выражать свои ощущенія на родномъ языкѣ. Дни, проведенные имъ у насъ въ деревнѣ, проходили для меня въ какомъ-то блаженствѣ. Но время летѣло и мысль объ отъѣздѣ Василія Андреевича вызывала въ дѣтскомъ сердцѣ неутѣшную печаль. Поддерживала меня одна надежда—свидѣться осенью и проводить ежедневно вмѣстѣ по нѣскольку часовъ.

Ничто не могло лишить меня назначеннаго урока. Когда я лежала въ скарлатинѣ, то потребовала, чтобъ уроковъ не отмѣняли, и Золотовъ, съ отцовской нѣжностью, просиживалъ у моего дивана и, не желая утруждать больныхъ моихъ глазъ, самъ читалъ мнѣ вслухъ разныя стихотворенія и повѣсти. Когда онъ уходилъ, я засыпала успокоенная и радостная. Въ то время онъ составилъ и издалъ Русскую Христоматію. Мнѣ онъ поднесъ одинъ экземпляръ ея въ красномъ сафьянномъ переплетѣ, чѣмъ я очень гордилась.

II.

Но судьба готовила мнѣ ужасный, неожиданный ударъ. Василій Андреевичъ получилъ выгодное мѣсто въ Одессѣ, гдѣ жили родственники его жены.

Въ одно несчастное для меня утро онъ пришелъ къ намъ блѣднѣе обыкновеннаго. Долго не рѣшался онъ объявить мнѣ горестное для меня извѣстіе. Наконецъ, собравшись съ духомъ: Я ѣду въ Одессу», сказалъ онъ.

— Какъ? когда?

«На будущей недѣлѣ».

Я остолбенѣла.—На долго? спросила я едва внятно.

«На..... на всегда».

Какъ громомъ пораженная я едва усидѣла на мѣстѣ, വперивъ въ него безсмысленные глаза.... Но вскорѣ взрывъ конвульсивныхъ ры-

данiй и потокъ горючихъ слезъ испугали моего добраго друга. Онъ ожидалъ этого, но, понявъ, что утѣшить меня—невозможно, самъ со мною плакалъ.

Дѣлать было нечего. Пришелъ послѣднiй урокъ! Золотовъ сидѣлъ и глоталъ слезы: такъ мое дѣтское горе его тревожило. А я сидѣла, опустя голову и глаза.... Наконецъ онъ всталъ и, молча, подалъ мнѣ руку на прощанье.... на вѣчную разлуку....

Мнѣ было десять лѣтъ, я была старшая изъ дѣтей въ домѣ, меня воспитывали какъ истую пуританку.... Я не посмѣла броситься ему на шею.... А какъ хотѣлось тогда повиснуть на немъ и выплакаться!...

Послѣ отъѣзда Золотова, я прорыдала трое сутокъ день и ночь, не смыкая глазъ. Матушка была умная женщина; она мнѣ ничего не говорила и вѣроятно запретила всѣмъ домашнимъ меня тревожить. Она притворилась, что не замѣчала ни опухшихъ глазъ, ни блѣдности лица, ни отсутствiя всякаго аппетита за обѣдомъ. У сестрёнки моей было сердце золотое; она видѣла силу и искренность моего горя, не дразнила меня, а скорѣе старалась развлекать.

Мнѣ позволили писать Золотову; тутъ завязалась горячая переписка, которая продолжалась до самаго моего замужства и даже послѣ него. Я извѣщала Золотова о себѣ, о своихъ занятiяхъ; а онъ былъ такъ добръ, что, не смотря на свою служебную дѣятельность, всегда удѣлялъ время на отвѣты мнѣ: говорилъ мнѣ о своихъ дѣлахъ, о своемъ, любимомъ имъ нѣжно, семействѣ. Онъ мнѣ писалъ, что, разставшись со мною, шелъ по улицѣ и плакалъ, такъ что прохожiе на него оборачивались.

Въ Одессѣ, кажется, если не ошибаюсь, въ 1830 году открылась чума. Письма Золотова ко мнѣ приходили всѣ надрѣзанныя и окуренныя. Опять настали для меня, ребенка, безсонныя ночи, въ продолженiи которыхъ я со слезами молила Бога, чтобъ онъ взялъ мою жизнь въ замѣнъ жизни моего друга. Какъ въ дѣтствѣ, въ юности, легко жертвовать жизнiю! Я помню, что тогда мнѣ было бы даже прiятно умереть за своего прiятеля и наставника. Я не сочла бы этого жертвой.

III.

Шестнадцати лѣтъ я была помолвлена, семнадцати вышла замужъ. Прошло семнадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Золотовъ, уѣзжая, оставилъ такую нѣжную память въ сердцѣ десятилѣтняго ребенка. Мы жили зимой въ Москвѣ съ матушкой, мужемъ моимъ и съ четырьмя старшими моими дѣтьми. Прочихъ еще не было на свѣтѣ.

Въ одно прекрасное утро, матушка за мной посылаетъ. Вхожу въ гостинную и — останавливаюсь какъ вкопанная. Передо мной стоитъ господинъ и, молча, на меня смотритъ.

«Василій Андреевичъ!» вскрикнула я и опрометью бросилась къ нему, протягивая ему обѣ руки.

Это былъ онъ, я его сейчасъ узнала, хотя волосы его почти совсѣмъ посѣдѣли. Онъ такъ былъ тронутъ моимъ пріемомъ, что слезы брызнули у него изъ глазъ.

«Вотъ», замѣтила матушка, «видно, она васъ любила! Послѣ сем-«надцати лѣтъ, сейчасъ узнала; а я-то и не узнала, и имени вашего «не вспомнила!»

Золотовъ проѣздомъ былъ въ Москвѣ и какимъ-то чудомъ насъ отыскалъ. Я его не выпустила изъ дома; онъ у насъ обѣдалъ и провелъ весь день. Я ему показала моихъ дѣтей; онъ не могъ на насъ налюбоваться и все время съ радостными слезами не спускалъ съ насъ глазъ своихъ.

Когда возвратился домой мужъ мой, то, знакомя его съ Золотовымъ, я сказала:

«Представляю тебѣ предметъ *моей первой любви!*»

— «Тѣмъ болѣе радъ съ вами познакомиться», отвѣчалъ онъ кланяясь, «что я — мужъ»....

Старушка изъ степи.

Библиотека "Руниверс"